

навана, Алаверды. Мы думаем, что работа во многом выиграла бы, если бы автор подробнее остановился также на способах приготовления пищи и одежды, так как эти элементы материальной культуры содержат много национальной специфики. Следовательно бы также коснуться взаимоотношений и культурных взаимовлияний с другими народами.

Отмеченные недостатки, в основном, являются результатом чрезмерно сжатого изложения этой — в целом весьма полезной — работы Д. Вардумяна.

В. Темурджян

Нарты. Эпос осетинского народа. Издание подготовили В. И. Абаев, Н. Г. Джусоев, Р. А. Ивнев и Б. А. Қалоев. М., 1957, 401 стр.

Героический нартский эпос, богато представленный в фольклоре северокавказских, а отчасти и закавказских народов, занимает видное место среди эпических памятников мира. Являясь общим достоянием всех этих народов, он отражает их этнические связи, многовековое общение, культурную близость и взаимовлияние. В то же время, древний нартский эпос, будучи глубоко национальным у каждого отдельного народа, является важным источником для изучения его исторического прошлого, культурных традиций, фольклора. Отсюда тот неослабевающий интерес к сбору и публикации сказаний о нартах, который, возникнув уже более столетия назад, особенно возрос в наше время в связи с общим подъемом науки и культуры в советских республиках Кавказа. Этот интерес нашел яркое выражение в публикации ряда собраний осетинского и кабардинского нартского эпоса; последнее из них подготовлено Юго-Осетинским научно-исследовательским институтом Академии наук Грузинской ССР и издано в 1957 г. Академией наук СССР в серии «Литературные памятники».

В основу рецензируемого издания положено собрание юго-осетинских нартских сказаний, опубликованное в 1942 г. в Сталинире на осетинском языке. Настоящий перевод дан в свободном литературном изложении, без «филологической буквальности» (стр. 5); для большей легкости восприятия введена рифма, не характерная для осетинского оригинала.

Цель эта несомненно достигнута: юго-осетинский вариант эпоса в русской стихотворной обработке Р. А. Ивнева читается легче, чем аналогичные переводы североосетинских сказаний в прозе (Ю. Лебединский) или же в белых стихах (В. Дынник). Хорошее впечатление оставляют также иллюстрации, выполненные художником И. А. Седельниковым. Нет сомнения, что русский читатель с большим интересом встретит этот новый перевод замечательного осетинского эпоса.

Книга снабжена послесловием и комментарием. В послесловии (авторы В. И. Абаев и Б. А. Қалоев) коротко излагается история собрания и публикации нартских сказаний и дается всесторонняя характеристика самого эпоса, его содержания, исторических и художественных особенностей. Авторы рассказывают об осетинских сказителях, из поколения в поколение изустно передававших народный эпос, об исключительной популярности в народе нартских сказаний, герои которых и сегодня дороги и близки всем осетинам. Это обстоятельство авторы правильно объясняют тем, что образы нартских героев, наделенные, несмотря на мифологическую условность, глубоко жизненными, реальными чертами, покоряют слушателя или читателя своим благородством, бесстрашием, любовью к родине. В ряде сказаний раскрываются нравственные идеалы народа — сочувствие к угнетенным и ненависть к угнетателям, уважение к женщине и беспредельная отвга. «Не потому ли, — замечают авторы послесловия, — так трудно убедить простого горца в том, что нарты не существовали в действительности? Он готов согласиться, что многие подвиги и приключения нартских героев вымышлены; но что эти герои, такие живые, выдуманы «из головы» — этого он никак не может допустить» (стр. 383).

Разбирая основные образы и сюжеты эпоса, В. И. Абаев и Б. А. Қалоев отмечают, что здесь нашли отражение хозяйственная и общественная жизнь, быт и мировоззрение прошлого. Анализ сказаний позволяет говорить о последовательном напластовании в них мотивов, характерных для эпохи матриархата, последующих этапов родового строя и привнесенных в эпос позднее феодальных мотивов. Аналогичную историческую эволюцию авторы прослеживают в хозяйственных занятиях героев эпоса нартов (от охоты к скотоводству и земледелию), в их жилище (от первобытных пещер и шалашей к многоэтажным башням, крепостям и дворцам), в их религии (от тотемизма и анимизма к христианству).

В заключение авторы послесловия останавливаются на художественных достоинствах и недостатках нартских сказаний, отмечая их сюжетное богатство при строгости и относительной бедности художественной формы, и характеризуют своеобразную манеру исполнения сказаний.

Послесловие и следующий за ним комментарий (составил Б. А. Қалоев) помогают читателю разобраться в содержании и историческом значении нартского эпоса. Правда, комментарий, содержащий объяснение лишь имеющихся в тексте осетинских слов и наименований, в большей своей части является простым глоссарием. Комментарий в обычном смысле этого слова должен был включать также и историко-этнографическое истолкование наиболее интересных сюжетов осетинского нартского эпоса, хотя бы на основе ценных исторических (скифо-сарматских и аланских) параллелей, проведенных в свое время Вс. Миллером и Ж. Дюмезилем.

К числу недостатков послесловия следует прежде всего отнести не совсем четкую характеристику исторического фона эпоса. На стр. 383 авторы говорят, что он «в своей основе может быть охарактеризован как типичный эпос родового строя с яркими пережитками матриархата (образ Сатаны)», а на следующей странице — что в эпосе «более полно и красочно изображены общественные формации, относящиеся, по периодизации Энгельса, к высшей ступени варварства, — родоплеменная формация и в особенности строй военной демократии». Таким образом, в первом случае нартский эпос расширительно связывается с эпохой родового строя в целом, а во втором — с ее поздними периодами: «родоплеменной формацией» (?) и военной демократией. Разумеется, в нартских сказаниях ярче всего отражен строй военной демократии. О том, что авторы послесловия не совсем ясно представляют себе эволюцию родового строя, свидетельствует и то обстоятельство, что частные, по выражению Энгельса¹, военно-дружинные объединения они рассматривают как объединения родовые: народ, говорится в послесловии, видел в Батрадзе «идеал мужчины, война, члена родовой дружины» (стр. 374, разрядка моя, — Я. С.). Сравнивая нартские сказания с гомеровским эпосом, В. И. Абаев и Б. А. Калоев неправильно утверждают, что в гомеровском эпосе, в противоположность эпосу нартскому, «фигурирует институт государства» (стр. 383). Между тем уже Энгельс, специально изучавший общественный строй греков гомеровской эпохи, не раз подчеркивал, что в то время у греков отнюдь не существовало отделенной от народа публичной власти. Цитируя слова Маркса, что *basileia* означает только военную демократию, Энгельс писал о строе гомеровского общества: «Недоставало еще только одного: учреждения, которое не только обеспечивало бы вновь приобретенные богатства отдельных лиц от коммунистических традиций родового строя, которое не только сделало бы прежде столь мало ценившуюся частную собственность священной и это освящение объявило бы высшей целью всякого человеческого общества, но и приложило бы печать всеобщего общественного признания к развивающимся одна за другой новым формам приобретения собственности, а значит и к непрерывно ускоряющемуся накоплению богатств; не хватало учреждения, которое увековечило бы не только начинающееся разделение общества на классы, но и право имущего класса на эксплуатацию неимущих и господство первого над последними»². Короче говоря, гомеровским грекам не хватало именно государства.

Нельзя не отметить и того факта, что в послесловии слышится отзвук старой концепции В. И. Абаева — трактовки нартвов как «детей Солнца» (стр. 382). Как известно, эта точка зрения широко развита в фундаментальной монографии В. И. Абаева «Нартовский эпос», где нарты рассматриваются как характерные для «солнечной, космической стадии мышления» персонажи древнеосетинской мифологии (от *Naγ* — тае, где *Naγ* — солнце, а тае — осетинский суффикс фамильной принадлежности)³. Здесь, разумеется, не место для критики этой концепции, лишь косвенно отразившейся в послесловии к новому изданию осетинского нартского эпоса. Все же отметим два обстоятельства. Во-первых, вряд ли возможно решить вопрос о происхождении нартвов с позиций лингвистики: так же хорошо, как из осетинского языка, объясняется «нарт», например из абхазского языка («материнский род») ⁴. Во-вторых, нет никаких оснований связывать пиры и пляски нартвов с их «солнечным» происхождением. Общий военодемократический фон эпоса гораздо скорее заставляет видеть в нартских пирах такое же «нормальное» занятие удалых дружинников, как и их военные и охотничьи походы.

В заключение хотелось бы пожелать, чтобы наряду с уже значительным количеством русских литературных обработок осетинских нартских сказаний скорее появилось их сводное академическое издание, рассчитанное на специалистов по фольклору, этнографии и истории народов Кавказа.

Я. Смирнова

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Mirko Miličić, *Nepoznata Dalmazija*, Studija o s]oskoj architekturi, Zagreb, 1955.

Далмация — область Югославии, населенная главным образом хорватами. Славянская культура в Далмации имеет древние местные традиции; она оказалась очень устойчивой, несмотря на то, что эта область испытывала сильное влияние соседних неславянских народов.

¹ См. Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1950, стр. 149.

² Ф. Энгельс, Указ. раб., стр. 111.

³ В. Абаев, Нартовский эпос, «Изв. Северо-Осетинского научно-исследовательского института», т. X, вып. 1. Дзауджикау, 1945, стр. 89.

⁴ См. Ш. Д. Ингал-ипа, К вопросу о матриархально-родовом строе в Абхазии, Труды Абхазского ин-та языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа, т. XXV, Сухуми, 1954, стр. 270.